

*Елена*  
**ГРАСС**



**РАЗВОД**

*(Не)просто бывшие*

Елена Грасс

**Развод. (Не) просто бывшие**

«Автор»

2026

## **Грасс Е.**

Развод. (Не) просто бывшие / Е. Грасс — «Автор», 2026

Развод превратил нас в чужих людей. Имущество поделено, а дети-подростки сами решили, с кем им остаться. С точки зрения документов всё выглядит законченным и однозначным. Но реальность не подчиняется этим правилам. Она напоминает, что никакие договорённости не могут полностью стереть наше общее прошлое. Через случайные пересечения и проблемы она снова возвращает нас друг к другу, заставляя понимать, что полная отчуждённость так и не наступила.

© Грасс Е., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

# Развод. (Не) просто бывшие

## Глава 1

### ВЛАДИСЛАВ

Погружённый в бумаги, не замечаю, как Лейла заходит в кабинет.

Лишь лёгкий шёпот у виска и шлейф её духов вырывают меня из мира важных документов.

— Милый...

— М-м?

— Отвлекись...

— Лейла, ты прямо как пантера. Оказываешься рядом настолько тихо и неожиданно, что я иногда даже теряюсь.

Мне не нужно видеть её лицо, чтобы почувствовать, как она улыбается.

Её ладони, тёплые и лёгкие, ложатся мои плечи и слегка их сжимают.

А следом тонкие пальцы умело расстёгивают пуговицы и проникают под ткань моей рубашки.

— Пантеры не приходят просто так, — томно шепчет мне любовница. — Они либо охотятся, либо требуют внимания, напоминая своему самцу о себе.

Поворачиваюсь к ней и встречаю её взгляд.

Она смотрит на меня так, словно я центр её вселенной. В этом томном взгляде читается всё: и неподдельный интерес, и голая, неприкрытая похоть.

Но её взгляд мне неинтересен сейчас. Мои глаза спешат переместиться в любимое место — аккуратно туда, где расстёгнутая пуговица её деловой рубашки напоминает мне о соблазнительных формах Лейлы.

— А кто ты сегодня? Охотница или кошечка, требующая к себе внимания? — соглашаюсь и играю в её игру, притягивая её к себе.

— Я буду такой, как ты хочешь... Хотя в моих мечтах я твоя спасительница.

— Надо же. От чего же ты меня спасаешь? — показываю ей на свои колени, приглашая присесть, но она отрицательно крутит головой.

— От всего этого! — Лейла берёт в руки папки с бумагами, которыми завален мой стол, и небрежно бросает их на стул, стоящий рядом. — Прежде всего от самого себя. Ты четвертый час не отрываешься от работы. И я, глядя на этот ужас, решила, что пришло время для передышки.

Смотрю на циферблат. Надо же, а ведь Лейла права. Я на самом деле совершенно потерялся в цифрах одного из контрактов, и даже не заметил, как пролетело время.

— Ну тогда иди ко мне и спасай меня.

Хочу притронуться к ней, но она отступает, продолжая играть и проверять мою выдержку.

При этом нагло смотрит мне в глаза и облизывает ярко окрашенные красной помадой губы.

— Пойдём, — тянет меня за галстук, отправляясь в комнату отдыха. Сама идёт впереди, маняще виляя бёдрами. — Если миру нужен только твой ум и талант, но и ты мне нужен сам! Весь! Целиком.

Я позволяю Лейле довести меня до дивана, стоящего внутри, и опрокидываюсь на его прохладную кожу.

Моя пантера садится на мои колени, и граница между нами стирается окончательно.

Мысли крутятся вокруг желания обладать ею, но и сейчас она не позволяет мне делать то, что я хочу.

— Нет, рано. Закрой глаза. Расслабься... — отрывает мои руки от своей талии и быстро встаёт с моих колен.

Обходит диван и как пару минут назад снова кладёт на мои плечи свои пальчики.

Мгновение и её умелые руки возвращаются к тому, с чего мы начинали несколько минут назад. Она массирует мои плечи.

— Издеваешься, — улыбаюсь.

— Слегка, — не лукавит. Но я люблю в ней эту прямооту, потому что я сам такой же. — Однако всё это ради твоего блага. Я хочу, чтобы тебе было хорошо со мной не только в постели, но и в жизни.

— Да, я тоже этого хочу, — соглашаюсь, наслаждаясь её умением делать массаж.

— Влад...

— М-м?

— Когда всё это кончится?

— Что именно?

— Наши встречи от случая к случаю.

— Не преувеличивай. У нас с тобой от случая к случаю пока не было ни разу. Мы только неделю как любовники, и ...

— Да. Но за эту неделю я видела тебя всего два раза! — Чувствую в голосе нотки обиды. — Ты слишком много работаешь. А когда не работаешь... — недоговаривает, но я знаю, что хочет сказать: что я не с ней, а со своей семьёй.

— Ты следишь за мной? — слегка напрягаюсь.

— Конечно, — смеётся, словно хочет выйти из неловкого положения и не показать своей обиды. — Каждую минуту, каждое мгновение, пока ты в поле моего зрения. А знаешь почему?

— Нет.

— Потому что мне нравится за тобой наблюдать. Ты такой сосредоточенный и сексуальный, когда работаешь. И такой... страстный, когда перемещаешься в мою постель...

От её слов в груди вспыхивает короткая, эгоистичная искра удовольствия и лёгкого тщеславия, но она тут же гаснет, когда Лейла продолжает говорить:

— Я хочу быть с тобой всегда, а не урывками, между работой и твоим супружеским ложем.

Обозначая свои желания, догадываюсь, что моя любовница ждёт аналогичного признания. Но вместо этого неожиданно на меня наваливается жуткое чувство вины перед Яной.

Это чувство гложет меня ровно с того момента, как я изменил жене. Ощущение того, что я подлец, преследует теперь постоянно.

Не представляю, как мужики живут с этим из года в год.

У меня, например, чёткое ощущение, что если я не признаюсь в ближайшее время, наверняка свихнусь.

— Я что-то сказала не так? — спрашивает теперь без игривой уверенности.

— Всё в порядке.

— Ну я же чувствую, — настаивает на признаниях. А, погоди... Я поняла: ты жалеешь. — Голос Лейлы становится совсем тихим и она перестаёт мять мои плечи.

— Нет. Себя не обманешь. Я хотел тебя.

— И получил... — интонация оживает. — Влад, мне так приятно это слышать, любимый. Прощу, не сдерживай себя со мной.

Руки Лейлы на моих плечах дают мне возможность окончательно расслабиться.

Её пальцы проходят по шее, затылку и останавливаются возле висков. Несколько движений, и по телу бегут мурашки.

Кайф! Чистый кайф!

Несколько секунд Лейла продолжает эти движения, а потом обратно её пальцы спускаются на мои плечи.

Напряжение покидает моё тело, и я благодарно киваю ей.

Когда она наклоняется, чтобы поцеловать меня, чувствую аромат незнакомых духов.

— Ты поменяла духи?

— Да. Тебе нравится?

— Тяжеловатые.

— Хорошо. Я их сменю.

Моя любовница садится на мои колени и обхватывает руками плечи.

— Сегодня ты только мой?

— Нет, не получится. — Вспоминая, что обещал жене вовремя приехать домой, тороплюсь встать с дивана.

Лейла, услышав это, кивает и отворачивает обиженное лицо.

— Ясно...

— Лейла, я поговорю с женой, — вспоминаю обещание, данное ей и себе недавно.

— Правда?! Ты всё решил?! — её рот растягивается в довольной улыбке, и она набрасывается на мой рот в страстном поцелуе. — Я знала, что ты не такой, как все. Ты сильный и прямой. Я знала, что ты не будешь унижать меня жизнью на вторых ролях.

— погоди радоваться. Нам не будет легко. Я прожил с Яной почти двадцать лет вместе. — Неожиданно вырываются слова моих внутренних переживаний.

— Плевать! Мы будем вместе. А это значит, всё будет хорошо. Ох... как я счастлива! — Лейла прижимается щекой к моей груди и замирает. Её пальцы чертят невидимые узоры на моей рубашке, и я догадываюсь, что она рисует сердечко. — Спасибо, Влад.

Киваю, ощущая прилив счастья от такого восторга, и поднимаю за подбородок её лицо. Вглядываюсь в глаза, полные восхищения.

— А разве с тобой может быть по-другому, чертовка... — притягиваю её к себе и целую в губы. — Дороги назад нет.

— А когда ты ей скажешь?

— Сегодня. Я не из тех, кто будет скрываться, словно нашкодивший щенок.

— У нас есть ещё полчаса? — Смотрит на меня умоляющими глазами.

— Есть!

Лейла кивает и начинает расстёгивать пуговицы на моей рубашке.

Поддаваясь на её желание и больше не слушая болтовню, мои руки обхватывают её бёдра.

— Ты уверена, что хочешь на место моей жены? Назад дороги не будет. — Через полчаса на выходе из кабинета спрашиваю её снова.

— Да! В постели, в твоей жизни, в твоей голове — везде хочу на её место! Я мечтала об этом с того момента, как ты взял меня на работу.

Когда она говорит это, повожу большим пальцем по нижней губе, и она слегка прикусывает его.

Улыбаюсь и, наклонившись к шее, целую венку, которая сейчас стучит в диком ритме.

Она права. Недели, чтобы понять, чего я сам хочу достаточно.

Теперь в моей жизни есть только моя любовница и желание быть с ней.

А Яна... Яна теперь моё прошлое. Она теперь женщина, которую я разлюбил.

## Глава 2

### ЯНА

Поправляя возле зеркала прядь волос, я очень довольна собой.

А ещё я очень довольна тем, что наконец-то Влад ужинает сегодня дома. Последние недели он задерживается на работе практически до ночи. Но сегодня обещал прийти пораньше.

Открываю шкаф и ищу нужную вещь. Недавно я купила новое платье и спрятала его, словно чувствуя, что такую красоту нужно оставить на какой-то особый случай.

Вот он и наступил.

Снова возвращаюсь к зеркалу и без всякого стеснения понимаю, что я выгляжу очень привлекательно.

Надеюсь, не только для себя, но и для мужа.

В своём восхищении мне хочется как можно быстрее увидеть реакцию Влада.

— Мам, всё в силе? — звоню на всякий случай своей маме.

В желании остаться с мужем сегодня вечером наедине, я попросила её пригласить наших детей в кино и дать нам возможность провести его интимно.

— Не волнуйся. Они уже согласились.

— Спасибо. — Кладу трубку и спешу на кухню. — Ну что, всё готово? Ваш папа обещал приехать сегодня без опозданий! — проверяю блюдо, оставленное в духовке.

— Мама, ты такая красивая! — глядя на меня, не скрывает своего восторга дочь.

— Спасибо!

— И счастливая! — смеётся мне вслед Есения. — Я давно тебя такой не видела.

— Да, доченька, это так. Я очень жду этого ужина. Мы ведь за последние полгода ни разу не собрались за общим столом.

— Ну как же. День рождения папы был совсем недавно, — поправляет меня дочь.

— Да. Но я о тех вечерах, чтобы мы посидели без повода. Я так скучаю по нашим совместным ужинам.

Пока я разговариваю с Есенией, в голове крутится список продуктов, которые я оставила на вечер. Вино, его любимые шоколадные конфеты, несколько сортов сыра...

— Да, я тоже скучаю по этому времени. Папа последнее время так редко бывает дома. Мне кажется, что за последние недели я видела его только один раз и то за завтраком. Мам, а папа вообще ночует дома? — Есения замирает и смотрит на меня растерянно.

— Конечно, ночует! А где же ему ещё ночевать? — смеюсь на странный вопрос.

— Это хорошо...

— А почему ты спросила?

— Просто он столько работает. Прямо как папа у Насти. Только её папа очень часто ночует в офисе. Он говорит, что ему проще остаться там на диване, чем ехать на несколько часов домой, а потом по пробкам снова возвращаться на работу.

— Странная отговорка не приезжать домой.

— Почему?

— Настин папа, так же как и твой сам себе начальник. Его вряд ли кто-то будет ругать за опоздания.

— Наверное... Настя говорит, что он очень ответственный.

«Думаю, доченька, дело в другом. Вероятно, просто у папы твоей Насти есть любовница и он ищет повод остаться на работе, чтобы провести время с ней» — проскальзывает мысль, на вслух, я, её, естественно, не говорю.

— Мам, а ты гордишься папой?

— Конечно! — без всякого сомнения, сразу же отвечаю Есени. — Всё, хватит болтать. Беги переодевайся. Давай, поторапливайся! И зови Андрея. Скажи ему, чтобы он выползал из своей комнаты и привёл себя в порядок.

— Лучше ты. Он сказал, что я ему не указ. А я ведь его старше! На целых десять минут!

— Ну вот и напхни ему об этом, — чтобы не заляпать платье, надеваю фартук и спешу вытащить курицу из духовки.

— Безтолку! Разве его дозовёшься! — недовольно отвечает дочь.

— Хорошо, если не справишься, я подойду.

— Тяжёлая артиллерия! — смеётся Есеника.

— Точно. Мать - гроза для всех непослушных! — подхватываю её шутку.

Когда Есеника стучится к Андрею, на удивление мой сын даже не сопротивляется, не вступает в конфликт с сестрой, а молча выходит из своей комнаты и садится за стол.

Он уже одел в рубашку и брюки, и даже побритый.

Мой ребёнок бреется... Пока не могу привыкнуть к этой мысли, но придётся.

В свои шестнадцать он выглядит как маленький мужичок. Высокий, и вечно чем-то недовольный.

Только взгляд, и пока ещё всё-таки детское лицо выдаёт его юный возраст.

— По какому поводу праздник? — оглядывает приготовленные блюда и тянет руку к одному из них.

— Не трогай! — слегка бьёт по его руке сестра. — Папа ещё не пришёл! Это всё для него!

— Но почему же для него?! Не только для него! — поправляю дочь, пытаюсь застегнуть серёжку. — Это для всех. Мы же семья.

— Так что за праздник? — продолжает настаивать на ответе сын, и я не знаю, как ему объяснить, что для того, чтобы устраивать такие вечера не обязательно нужен повод.

Сейчас он подросток — максималист, и вряд ли поймёт моё романтическое настроение.

— Восемнадцать лет, как мы с твоим папой вместе, — вспоминаю дату, которая произойдёт через неделю. Но её я, правда, не собиралась праздновать.

— Тоже мне повод! — усмехается сын, но я ничего другого от него и не ждала.

— А вот здесь ты не прав! — не соглашается с ним Есеника. — Для современного мира такой брак, как у наших родителей — это очень большой срок! Основная масса пар даже и половины не проживают вместе. Разводятся. А наши родители уже восемнадцать лет вместе! Это практически целая вечность.

Когда моя дочь говорит это своему брату, я неожиданно испытываю гордость. А ведь и правда, сколько наших друзей уже развелись. А мы пока вполне неплохо живём. Я бы даже сказала — счастливо!

— Ну и чушь! Сенька, хватит романтизировать брак. Ерунда всё это! — отмахивается Андрей. — В жизни нет ничего вечного, — и всё-таки ему удаётся под бдительным взглядом сестры утащить из нарезки с сыром пару кусочков.

Звонок дверь прерывает нашей дискуссии, и наконец-то появляется тот, кого мы все очень ждём.

— Папа! Ну наконец-то! Мы тебя уже заждались! — слышу голос Есеники в коридоре и спешу к зеркалу в спальне, чтобы поправить причёску.

Мне безумно хочется понравиться своему мужу.

— Извини. Много дел, — бросает дежурную фразу Влад и заходит в комнату. — Шикарный стол. Мама как всегда — в ударе.

Находясь в нашей спальне, даже не видя его лица, я чувствую, что Влад не в настроении. Он совершенно точно чем-то недоволен. Но чем?

Вся семья в сборе, накрыт красивый стол, дети, как и жена устроили ему приятный сюрприз.

— Привет, — заходит в нашу спальню.

Я стою, растерявшись, и понимаю, что он даже не посмотрел в мою сторону.

Муж проходит мимо меня к шкафу, и за ним шлейфом тянется запах неизвестных для меня дорогих духов.

Это не мой запах. Он слишком резок. От подобных запахов у меня всегда болит голова.

Пытаюсь сообразить, замечала ли я его раньше, когда он приходил с работы, но не могу вспомнить.

Влад, так и не взглянув на меня, спешно расстёгивает запонки и небрежно бросает их на прикроватный столик.

Одна из них тут же падает на пол, издавая тихий звук.

— Дурацкое приспособление, — бубнит себе под нос, даже не задумываясь, что такими словами муж обижает меня. — Одну потерял, и всё, можно выкинуть следом и вторую. Пустая трата денег.

Да, кажется, эти запонки его только раздражают. Наверное, зря я ему их подарила. Он никогда не любил лишние аксессуары.

Затем, также, даже не повернув в мою сторону лица, сбрасывает с себя пиджак.

— Я проходил мимо гостиной. Ты накрыла стол?

— Накрыла. Только, кажется, зря?

Он ничего не отвечает, а на меня от такого равнодушия с его стороны накатывает обида.

Вся эта суета — выбор блюд, которые он любит, тщательная сервировка, даже эти дурацкие свечи, которые я купила, вспомнив его недавнее желание побыть вдвоём — всё это будто растворилось в воздухе, не оставив и намёка на приятное продолжение вечера.

Влад проходит мимо меня, как проходят мимо мебели.

Не замечает ни нового платья, не причёски, не обращает внимания на то, как все ждут его одного.

— Почему же, зря. Чувствую запах любимого пирога. Ты испекла?

— Да. И очень переживала, что он не получится.

— Почему? Ты же прекрасно готовишь.

— Новая духовка.

— А, да, точно. Я и забыл, что у нас новая кухня. Как раз о которой ты мечтала. Ты довольна?

— Очень.

Я не вру и не преувеличиваю. Около двух лет назад мы купили эту шикарную квартиру в самом центре Москвы и только-только закончили ремонт.

Кухня была последним нашим испытанием и по сравнению с другими комнатами потребовала самых огромных затрат.

Когда мы решили вопрос с мебелью и техникой, меня постоянно грызла тревога из-за огромных расходов на технику и ремонт. Но Влад был со мной не согласен, постоянно повторяя, что жена и дети для того и существуют, чтобы их баловать.

— Влад, что-то случилось? — не могу сдержаться и всё-таки задаю этот вопрос.

Он не отвечает. Садится на край кровати и вынимает телефон из кармана. Я даже не сразу понимаю, что он бесконечно звонил всё это время.

— Алло, да, скоро буду. Не звони мне, пока я сам не наберу, — говорит кому-то очень грубо. А затем, даже не дождавшись ответа абонента, сбрасывает звонок. — Яна, сядь, — теперь обращается ко мне в более мягком тоне. — Нам нужно поговорить.

— Родители! — заходит в комнату дочь, не позволяя ему даже начать разговор. — Пойдёмте ужинать! Всё стынет! Пап, ты видел, какая мама сегодня красивая?!

Есения кивает в мою сторону и смотрит на меня с тем восхищением, с которым должен смотреть её отец. Точнее, я бы хотела, чтобы он на меня так смотрел.

— Да, да, — врёт. Я уже поняла, что ему всё равно как я выгляжу. Он на меня глаз даже не поднял. — Сень, выйди, пожалуйста, из комнаты. Нам с мамой надо поговорить.

— Пап, а нельзя поговорить попозже? — в дверном проёме следом появляется сын. На его лице написано искреннее недоумение и нескрываемое возмущение. — Мы все ждали только тебя! Мой желудок уже к позвоночнику прирос! Давай хотя бы поедим? Ты же не хочешь, чтобы твой единственный наследник пал в голодный обморок?

Влад замирает, и понимая, что никто не ел именно из-за него, капитулирует.

— Ладно, — говорит он сдавленно, глядя в пол. — Идёмте ужинать.

— Влад, ты так и не сказал, что случилось, — снова спрашиваю его, когда дети выходят из комнаты.

— Потом поговорим, — бросает сухо и выходит из комнаты. — Не при детях.

## Глава 3

От моего настроения не остаётся и следа.

Всё предвкушение романтического отдыха и семейного ужина разбивается о его каменное, непроницаемое лицо.

В горле стоит комок обиды, который никак не получается сглотнуть.

Конечно, я ничего не буду выговаривать ему сейчас, зная, как он устаёт. Но позднее, я всё равно скажу, что ради одного вечера можно было натянуть на лицо маску поприветливее. Хотя бы ради детей.

Осталось ждать недолго. Мама позвонит, Еся и Андрей уйдут, и мы поговорим.

К тому же он сам сказал, что что-то случилось. Вот я спокойно, без претензий и узнаю — что.

— Папа, ты обратила внимание, какая красивая наша мама? — теперь говорит наш сын, кивая в мою сторону, а я неожиданно хочу, чтобы он замолчал.

Мне не хочется, чтобы наши дети заставляли своего отца делать мне комплименты. Потому что это похоже на жалость.

Мне казалось, что это должно идти от чистого сердца, а не потому, что тебя кто-то заставляет.

Я чувствую на себе взгляд мужа, который, наконец, оторвался от своей тарелки. Но в ответ я не поднимаю глаз, потому что боюсь увидеть там не восхищение, а раздражение, или, что ещё хуже, пустоту и равнодушие!

— Да, наша мама всегда красивая. Как у тебя дела? — снова поворачивается к дочери.

— Отлично! — оживает Есения, радуясь вниманию от отца. Последние недели ей его особенно не хватает. — Мне кажется, что я написала контрольную на высший балл! Учительница похвалила меня и сказала, что все задачи со звёздочкой выполнила только я! — расправляет плечи, гордясь собой.

— Ты у нас умница, — Влад кивает и снова утыкается в тарелку. Сжимаю кулаки. Плевал он на её звёздочки.

Есения рассказывает что-то дальше, и следом к ней подключается Андрей.

Теперь они говорят наперебой, но Влад по-прежнему равнодушен к их новостям.

Они выкладывают новость за новостью, а он, кивая, поглядывает то в экран телефона, лежащего рядом, то на часы, которые тикают на стене.

Чуть позднее, его глаза устремляются в окно.

Я прямо чувствую, что он физически здесь, а вот мысли его далеко за пределами нашего дома.

Не понимаю, что с ним. Что произошло и когда я не заметила такой смены его интересов от семьи к чему-то другому. Но к чему?

Или... «кому»? — приходит в голову следующая мысль, но я не позволю ей закрепиться в моей голове.

Я неотрывно наблюдаю за мужем, совершенно забыв о еде. Мне так хочется поговорить с ним.

Но теперь каждая секунда за столом растягивается в мучительную вечность.

Я мысленно тороплю время, заклиная его бежать быстрее. Но оно не меняется от моих желаний, продолжая двигаться в природном ритме.

Вспоминаю, что мама должна позвонить в ближайшие несколько минут, и радуюсь этому.

Вспомнив, что я сегодня практически ничего не ела, пытаюсь проглотить кусочек мяса.

Я была уверена — оно запеклось идеально, но, пытаюсь его прожевать, ощущая, что оно совершенно безвкусное.

Бутылка вина так и остаётся закрытой. Влад к ней даже не притронулся.

— Мам, ты чего не кушаешь? Мучаешь кусок мяса уже несколько минут! — Пристально смотрит на меня Андрей, уплетая любимый салат. — Оно вкусное! Пять баллов, как всегда!

— Угу, — выдавливаю из себя. — Андрей, я кушаю. Не переживай. Всё в порядке. — Улыбаюсь ему.

После того как Есения засыпала его информацией и за столом наступает пауза, Влад поворачивается ко мне.

— Ну а как у тебя дела? — спрашивает он, словно вспомнив о моём присутствии.

В этом вопросе нет ни капли настоящего интереса.

— Нормально, — не желая портить настроение детям, выдыхаю ответ. — Влад...

— Андрюх, передай хлеба, — перебивает.

И снова на несколько минут в гостиной повисает тишина.

Каждый занят едой, и наше общение сводится только в передаче друг другу соли, ложки, сока и прочей ерунды.

Все мои труды обесценены равнодушием мужа. А ещё кроме равнодушия странной торопливостью.

Он словно повинность отработывает, находясь рядом с нами.

— Спасибо, я покушал. Всё было очень вкусно, — через пятнадцать минут встаёт сын со своего места. — Я к себе.

— Я тоже, — дочь, словно почувствовав неладное, поглядывает то на меня, то на отца. — Соглашусь с братом, всё действительно было очень вкусно, мамочка.

Она подходит, целует меня в щёку и что-то шепчет, но я не могу разобрать.

Оба наших ребёнка один за другим исчезают в своих комнатах, оставляя нас вдвоём в полной тишине.

Её нарушает только тиканье часов.

Наступает тот момент, которого я ждала с таким нетерпением и почему-то необъяснимым страхом.

Влад вместо того, чтобы теперь поговорить со мной, потянувшись к своему телефону, начинает что-то спешно печатать.

Свет отбрасывает резкие тени на его такое чужое лицо. Он будто отгородился от меня невидимой стеной.

— Влад, ты скажешь наконец, что случилось?

Он поднимает на меня глаза, откладывает телефон в сторону и несколько минут смотрит не отрываясь.

— На работе завал. Совсем ничего не успеваю. Не знаю, брать ли ещё один контракт, — совершенно обыденно рассказывает мне о своих проблемах. Затем снова пробегает глазами по столу, и налив сока, выпивает его залпом. — Ян, прости, я не знал, что ты будешь устраивать какой-то праздник. А что, кстати, за повод?

— Восемнадцать лет, как мы женаты, — хочу посмотреть реакцию на дату.

— А, да? Прости ещё раз! А я даже и не вспомнил, — как всегда — честно.

— Мужчины редко помнят даты, — беззлобно усмехаюсь.

— Верно. Ладно, за ужин извини.

— Поговори со мной. Ты хотел.

— О чём? — словно не понимает.

— Я спросила у тебя в спальне, что случилось. Но не получила ответа.

Влад опускает глаза и несколько минут молчит. словно сомневается, начинать ли разговор.

— Ситуация - дрянь. — Он пробегает глазами по блюдам. — Надо же... ты накрыла такой шикарный стол, а я с плохими новостями. Как-то... не по-людски выходит.

Он берёт в руки салфетку и начинает её нервно складывать в конверт. Потом снова раскладывает, снова собирает, и так несколько раз.

— Хватит! — вырываю их его рук бумагу. — Говори!

— Яна, я знаю, я виноват...

— В чём?

— Во всём.

— Не понимаю.

— Я ухожу, Яна.

## Глава 4

— Куда уходишь? — не сразу понимаю его.

— От тебя ухожу. Прости.

Влад говорит это так просто, так обыденно, будто сообщил, что едет в командировку, или решил сходить за хлебом.

Тон ровный, без сомнения в голосе, без страха, без надрыва.

Скорее всего, именно эта бытовая интонация, с которой он сказал мне фразу, сбила меня с правильного понимания смысла его слов.

Ступор. Молчу. Растеряна.

Но оправдываю себя тем, что это нормальная реакция. Ведь в первый момент шока не знаешь, как реагировать и что говорить.

Я ровно в таком же состоянии сейчас.

Ничего не предвещало этой ситуации, и у меня не было ни одной мысли, что когда-то мне Влад скажет подобное.

Смотрю на знакомые черты его лица, ищу в глазах мужа хоть намёк на глупую шутку. Но ничего подобного нет. Там только усталая решимость и готовность к действию.

— Я полюбил другую женщину.

— Стандартная фраза, после десятка прожитых лет вместе, — улыбаюсь краешком губ.  
— Как в дешёвом сериале.

— Даже если стандартная, другого мне сказать нечего. Я не хочу скрывать этой связи.

Киваю. Странная ситуация. Вроде бы когда твой муж говорит такие слова, тебе положено быть... благодарной?

За его честность. За то, что не обманывал за спиной, бегая в кровать к другой.

Но я не хочу быть благодарной. Во мне нет ни капли той понимающей и принимающей ситуацию жены.

И ведь ирония в том, что Влад всегда был именно таким. Честным до неудобства!

Он умел врать только в мелочах: если подарок не нравился, мило улыбался, но благодарил. Если платье на моей фигуре сидело неидеально — он пожимал плечами и говорил: «Я бы на твоём месте померил другое».

Но если дело касалось каких-то принципиальных моментов, здесь он был категоричен и резок, предпочитая «отрезать сразу, чтобы не болело»

Так кажется, он обычно выражается?

Может быть, многих это раздражало, а я, напротив, всегда восхищалась его стойкостью и силой духа.

Все кругом носили маски, а мой муж не нуждался в них.

Даже когда моя мама убеждала меня, чтобы я заставила его быть более сдержанным в эмоциях, я не соглашалась с ней, твёрдо веря, что внутренний стержень в характере моего мужа — это признак порядочности.

Такой, как он никогда не обманет и всё скажет в лицо. Сказал...

— Сколько?

— Что, сколько?

— Врал мне сколько?

— Яна, что это меняет? Я просто предпочитаю быть честным с тобой.

— Ты говоришь это так, как будто это какое-то великодушие с твоей стороны. Словно это подарок в красивой упаковке. Хорошо, последний вопрос. Это всё новая сотрудница? Сколько она у тебя работает? Не помню.

— Да. Это она. Полгода.

— Несложно было догадаться, что она всё-таки доберётся до твоего тела. Я видела, как она смотрела на тебя на корпоративе. Только думала, что тебе хватит ума не гадить там, где работаешь.

— Яна, пожалуйста, не читай мне морали! — Влад резко вскидывает голову, и я вижу, как он нервно сжимает кулаки.

Догадываюсь, что это проявление неожиданного бессилия. Только показывать этого не хочет.

Он загнал себя собственной подлостью в угол и теперь не знает, как выбраться из него с достоинством.

Хотя о чём это я?! Достоинства уже там нет.

Влад, не желая больше смотреть мне в глаза, не выдерживая моего презрительного взгляда, встаёт и отходит к окну. Упирается лбом в холодное стекло. Молчит несколько минут.

Я тоже молчу. Мне больше нечего сказать.

Такие слова как «как ты мог», «предатель», «подонок», «я отдала тебе столько лет жизни» мне кажутся слишком банальными.

— Ян, мне и так дерьмово. Или ты думаешь так просто уйти от той, с кем прожил столько лет? — говорит мне не оборачиваясь. Его плечи напряжены, я вижу, как он собран.

— Ну, раз в койку прыгнул к другой бабе, значит, и уйти будет несложно.

Тяжело... Больно... И да, неожиданно.

Как говорится: ничего не предвещало беды. Но она стоит на пороге нашего дома и пахнет чужими вонючими духами.

— Дурак ты, Недзельский, — и всё-таки не сдерживаюсь и говорю ему это глядя на его спину. — Сейчас ты этого не понимаешь, потому что тебя ослепило что-то новенькое и запретное. Где страсть через возраст скачет, пытаюсь убедить мозг, что тебе не за сорок, а меньше и ты ещё ого-го на что способен. Но потом я уверена, ты всё обязательно поймёшь! Поймёшь, что потерял семью ради мимолётной связи. Только будет поздно.

— Яна, услышь меня! Я не искал специально любовницу, — наконец-то поворачивается ко мне, возвращается за стол и садится напротив. Так близко, что мне теперь рядом с ним невозможно спокойно дышать.

— Отодвинься! Скажи своей подстилке, чтобы сменила духи. Вонь в квартире от них невозможная.

Подхожу и открываю окно настежь. Это даёт мне возможность перевести дух. А ещё собраться с новыми силами.

— А насчёт не искал, да, верю. Как и в то, что она нашла тебя сама. И даже знаю, когда она это сделала. Как только поняла, насколько полон твой кошелек и каким ты умеешь быть щедрым. Дай догадаюсь: шмоток ей уже купил. Телефон. Что ещё?

От окна тянет холодом. Замёрзнув в лёгком платье, отхожу от него и начинаю убирать посуду.

Складываю тарелку в тарелку прямо с остатками еды. Мне сейчас нужно чем-то занять руки.

Главное, посуду не разбить. Хотя, говорят, это к счастью?

— Если ты решила завести тему денег, тебе не в чем меня упрекнуть. Я никогда не обделял семью! С тех пор как мой бизнес пошёл в гору, я баловал вас постоянно. Тебе можно было даже не работать, и жить в своё удовольствие. Мне кажется, это уже о многом говорит!

— Да, но я не помню, чтобы я сидела на твоей шее, свесив ноги. Я всегда работала.

Влад отводит взгляд. Ему нечего кинуть мне в пику. Я не из тех, кто жил по принципу «Папа работает, мама красивая».

— Хватит, Яна. Я всегда старался, чтобы ты и наши дети ни в чём не нуждались.

— Не спорю. Но теперь, вероятно, всё изменится. Я не о себе, если что. Я о детях.

— Почему ты так решила? — искренне удивляется. — Наш развод ничего не изменит.

— Ну ты или реально дурак или наивен! Или хочешь убедить себя, что так и будет? Выбирай любой из трёх предложенных вариантов.

— Ты ошибаешься во мне.

— Боюсь, что нет. При появлении любовницы мужики забывают о том, что у них есть дети. А я-то, идиотка, подумала, что мы только начали жить... — Оглядываюсь по сторонам. Обидно. — Так чтобы никуда не спеша, не думая о финансах, кредитах, волнении за будущее.

— Повторяю: для вас ничего не изменится, — твердит как придуманную мантру.

— Ну как же, не изменится. Надо будет разменивать квартиру. Я же не для твоей пассивности проходила все эти круги мучений с ремонтом. Кстати, не надейся, что я не буду за неё бороться. Буду. С гордо поднятой головой и голой задницей уходить не планирую.

— Яна, прекрати! — цедит сквозь зубы в злости. — Я не собираюсь с тобой воевать!

— Жизнь покажет. Кто же его знает, что тебе твоя краля ночью нашепчет. Ночная кукушка перекукует любую.

— У меня всегда и на всё было своё мнение. Я считаю, что так и должно быть у мужчины.

— Да, но почему тогда статистика печальная при разводах?

— И какая же она? — хмыкает.

— Обычно самая сложная работа и испытания достаются именно жене, а сливки на ложке несут любовнице. У вас, бизнесменов, добившихся успеха вроде так положено.

— Какая же ты язва.

Влад поворачивается к своей тарелке, которую я не успела убрать, и начинает ковырять вилкой в салате.

— Что ты так ищешь? Если невкусно, не ешь. И вообще, зачем ты жуёшь этот салат, если ты всегда любил мясо.

— Не хочу ничего, — нервно отбрасывает от себя вилку и отодвигает тарелку.

— А раз не хочешь, значит, дверь там, — говорю слова, которые даются мне с большим трудом.

Но их нужно сказать. Сохранить гордость, лицо, осанку.

Если он всё равно собрался уйти, пусть видит, что его провожают так, словно он не представляет больше для своей семьи никакой ценности.

Пусть не только мне будет больно, но и ему.

## Глава 5

Мой муж не двигается с места. Сидит и смотрит в одну точку.

— Ты уйдёшь наконец или нет?

— Яна, зачем ты так, — накрывает голову руками. — Я не хочу быть врагами. Не хочу, чтобы наши дети ненавидели меня.

— А чего ты ожидал? Что я сяду, поплачу, утру слёзы и приму твою измену?

— Нет. Я прекрасно понимал, что ты подашь на развод. Но можно же сделать всё как-то по-человечески, что ли.

— Будем дружить семьями, — вероятно, у него такое представление о человечности. В этом у меня с ним взгляды категорически не совпадают. — Влад, что не так? Ты же сам предпочёл быть честным. Я отвечаю тебе тем же. И сейчас тоже говорю честно: очень надеюсь, что наша будущая встреча состоится теперь только в суде, когда будем расторгать брак и разбираться с имуществом.

Влад, наконец-то понимая, что разговор окончен, тяжело вздыхает и лезет в карман брюк, чтобы достать ключи от квартиры.

Хочет что-то ещё мне сказать, но наш разговор прерывает звонок телефона. Звонит моя мама.

А я ведь так ждала её звонка несколько минут назад!

— Аллю, мам, да?

— Что с голосом?

— А что с ним?

— Ты какая-то... странная.

— Нормальная. Голова просто болит. Так долго у плиты сегодня стояла. Устала, надышалась разными запахами.

— Ты не беременная, случайно? — хихикает моя мама. Только мне совсем несмешно.

— Нет. Больше в планах детей у меня не предвидеться.

— А у кого предвидеться? — я говорю глупость, а мама цепляется за неё.

Хотя, почему глупость? Наверняка, чтобы привязать моего муженька покрепче, и выдохнуть посильнее, его пассия сделает всё, чтобы забеременеть от него. Так что вполне возможно, и родят себе ещё сыночка или доченьку.

— Внуки, мам. Я о них, — сразу же выкручиваюсь. — Мам, я хотела тебе позвонить, но не успела. Кино отменяется.

— Почему? — спрашивает удивлённо, но сейчас я не знаю, что ей ответить.

Не правду же ей говорить? По крайней мере, точно не сейчас.

Влад замер и смотрит на меня. Конечно, он понимает, что я в итоге скажу правду маме, но, видимо, не хочет присутствовать при этом.

— Дети не хотят идти в кино. Передумали. А заставлять не хочу. — Мне приходится обманывать маму, потому что сейчас я не вынесу её причитаний.

— Но ты же хотела устроить романтический ужин с Владом?

— Передумала.

— Ясно.

Прощаюсь с мамой, сбрасываю звонок, я снова поднимаю глаза на своего мужа.

— Ты уйдёшь или нет?

— Это ключи от нашей квартиры, — показывает глазами на связку ключей, которая лежит недалеко от меня. — Я оставлю квартиру вам. А мне она не нужна. Я обещаю, что буду помогать и платить алименты. Я обеспечу тебя и наших детей.

— Меня точно не надо, — смеюсь ему в лицо. — Я трудоспособна. А детям тебе осталось платить совсем немножко. — Через два года им будет по восемнадцать. В принципе, довольно недолгий срок.

— Если нужно, я буду поддерживать их и дальше.

— Хорошо. Делай как хочешь. А теперь уходи.

Делаю шаг к двери на выход из комнаты и тут же замираю.

Застываю с тарелками в руках и не могу вымолвить ни слова. Передо мной стоит Есения.

— Сколько ей лет? — тихо спрашивает наша дочь Влада.

Глядя на её расстроенное, растерянное и разочарованное лицо, я понимаю, что она слышала наш разговор.

Сначала и до конца или только его окончание — не имеет значения. Наша дочь поняла главное.

Влад смотрит сначала на Есению, потом на меня. Видимо, ждёт, что я начну что-то говорить, но я молчу.

Сам вляпался, сам и объясняйся. Расскажи любимый папа своей дочке, о чём мы говорили с тобой эти несколько минут.

— Что ты здесь делаешь? Из каких пор ты слушаешь наш разговор? — единственное, что выдавливает из себя Влад, грозно глядя на Есению.

Лучшая защита – это нападение. Пусть даже на собственную дочь.

— Папа, просто скажи, сколько ей лет... — продолжают настаивать Есения, смахивая слёзы.

— Какая разница, сколько ей лет? Это вообще не твоё дело!

— Как это не моё, если мы одна семья. Мама всегда так говорит! Кроме того, я очень надеюсь, что она хотя бы мамина ровесница, а двадцатилетняя студентка?

— Не смей так со мной разговаривать! — басит Влад.

— Еся, успокойся, — едва шевеля губами прошу дочь. — И хватит здесь орать, — теперь говорю мужу. Если собрался уходить, уходи. А на дочь нечего срываться!

— Яна, мы недоговорили! Я хотел бы обсудить кое-какие вопросы. Есения, пожалуйста, уйди!

Дочь смотрит на меня и ждёт моего решения. Но в данный момент единственное, что я хочу — это, чтобы он ушёл.

Главное он уже сказал. Остальное нужно отложить. Переспать с мыслью, что как прежде уже не будет.

А ещё принять новую реальность.

Кроме того, я хочу уже, наконец, скинуть себя это платье и снять макияж с лица. Мой образ мне сейчас кажется невыносимо тяжёлым.

Я мало крашусь, а сегодня на моём лице довольно много косметики.

— Сень, собирай тарелки, — даю понять, что разговор окончен. — Я пойду умоюсь.

Дочь, больше не поворачивая лица в сторону отца, молча начинает собирать со стола посуду.

Звон тарелок звучит в тишине оглушительно, каждый стук вилки и ножа о керамику отдаётся в висках.

Я смотрю на свою дочь, такую потерянную, растерявшуюся, и мне хочется подойти и обнять её.

Прижать к себе, сказать, что всё будет хорошо. Что мы со всем справимся.

Но прежде всего извиниться за этот неожиданно сломанный мир.

Мир, в котором совсем недавно было столько счастья, тепла, надежд.

Мир, в котором мы были уверены в друг друге и нашей семье.

Я понимаю, что мне сейчас нужно поддержать её, но слова застряли в горле.

Мне ведь и самой сейчас ох как нелегко.

Кто меня утешит? Есения? Мама? Нет. Такой груз я на родных не повешу. Я должна справиться сама.

А потому буду улыбаться, даже если выть хочется.

Разворачиваюсь и прохожу мимо Влада, который всё так же сидит посреди комнаты, уставившись в одну точку.

Есения тоже проходит мимо него с руками, полными тарелок, не поднимая головы.

Слышу, как включает воду и начинает мыть посуду.

Андрей на мою удачу из комнаты даже не вышел. Вероятно, сидит в своих играх, надев наушники и наш мир для него не существует.

Пока я пытаюсь скрыться, коридор до спальни кажется мне бесконечным.

Как только оказываюсь в комнате, закрываю дверь на замок.

Наконец-то позволяю слезам вырваться наружу. Сначала из меня вырывается первый сдвленный всхлип, следом второй, а затем прорывается поток слёз.

Они текут большими, горячими каплями, смывая с лица остатки косметики и прежнюю сдержанность.

## Глава 6

Только под утро я смогла заснуть и проснулась практически в полдень. Я слышала, как в комнату заглядывала сначала Есения, потом Андрей. Чувствовала, как каждый из них садится на кровать, гладит мои волосы и тихонько сопит. Они не трогали меня, и я была им благодарна. Сил, чтобы встать не было, мне хотелось хоть ещё немного времени провести в постели.

— Всё нормально? — единственный вопрос, который я задала сыну, когда он зашёл ко мне.

— Да, не переживай. Поспи. Ты вчера слишком устала.

И позволила себе побыть одной.

Конечно, в это время я думала. Думала о том, что произошло с нашей семьёй.

Ещё за несколько часов до события в моей голове мелькала мысль, что у Настиного отца есть любовница.

Но когда я размышляла об этом, я действительно верила, что с нами подобного никогда не случится.

Дело тут не в моей наивности. Просто за все восемнадцать лет нашего брака Влад вёл себя как настоящий семьянин и не было ни единого повода, чтобы усомниться в его порядочности.

Да, задерживался, не без этого. Да, ссылался на работу. Но от его трудоголизма всегда были шикарные результаты.

Понимаю, что не имею права раскисать. Мои дети наверняка уже нашли что покушать, но им кроме еды сейчас особенно требуется моё участие.

Умываюсь холодной водой, и она помогает мне взбодриться.

Понимая, что это работает, залезаю под холодный душ и бодрюсь окончательно.

Выхожу на кухню и замечаю, что на столе стоят остатки от вчерашней еды.

За столом сидит мой сын и задумчиво жуёт мясо.

Он поднимает на меня глаза, задерживает взгляд, но потом снова утыкается в тарелку.

— Мам, очень вкусно получилось. Впрочем, как всегда. — Он говорит это обыденно, как бы между прочим, но я чувствую, что в его голосе откровенная печаль. — Моё предложение устраивать такие ужины почаще. Пусть даже без отца. Не сдался он нам.

— Согласна. Давай, — присаживаюсь рядом и выдавливаю из себя улыбку. — Если вы хотите, почему нет.

Он кивает и отвечает мне ответной улыбкой.

— Я очень люблю, когда ты готовишь.

— А я люблю, когда у вас есть вкусная еда.

Я вижу, что такими несуразными и ненужными фразами мой сын просто хочет поддержать меня, но, видимо, не знает, как выразить свои чувства.

Но мне и этого достаточно! Я действительно очень благодарна за его поддержку.

Доев мясо, убрав в холодильник остатки еды, помыв за собой тарелку, он беззвучно выходит из кухни.

Встаю и начинаю заваривать кофе.

Обычные выходные дни это делал Влад. У него есть свой особый рецепт, который я обо- жала.

Но теперь мне нужно привыкать к новым привычкам.

Не знаю, будет ли тот кофе, которое буду варить я, таким же вкусным. Но если нет, значит, куплю кофеварку. Невелика проблема!

Неожиданно кто-то беззвучно подходит ко мне и обнимает спины.

Поворачиваю голову и понимаю, что это Андрей.

Он молчит и сопит мне в шею, прижимая меня к себе.

— Не расстраивайся. Я знаю, наш отец сильно пожалеет о том, что сделал. Я всё сделаю для этого!

В голосе Андрея настоящая буря отчаянья и ненависти.

Но я не хочу развивать эти чувства в своём сыне.

— Зачем? — искренне удивляюсь его желание отомстить.

— Как это зачем? — всё-таки не сдерживается и взрывается Андрей.

Я понимаю, что ему тяжело. Как и понимаю, что он ещё не научился владеть своими эмоциями. Поэтому единственное, как он пока может выразить их в нашей ситуации — это только через агрессию.

— Сынок, не надо никому мстить.

— Мама, неужели ты так просто позволишь ему жить с другой женщиной? Неужели ты позволишь ему быть счастливым?

— Ну я не волшебница, чтобы я могла наколдовать ему несчастье. Уверена, он сам к этому придёт. Не сейчас, конечно, но я знаю, что горечь от этого поступка обязательно настигнет. А если вдобавок к этому прибавится и разочарование — тогда совсем туши свет! — выражаюсь доступным для сына сленгом.

— Я очень на это надеюсь. А мы будем счастливы и без него.

— Конечно, будем. Со временем любая боль притупляется.

Поворачиваюсь к сыну, обнимаю его, и мы стоим, прижавшись плотно друг другу.

Не проходит и минуты, как на пороге кухни появляется Есения.

Она, не говоря ни слова, также обнимает нас обоих и говорит какие-то успокаивающие слова.

Но мне они не нужны. Мне и без слов поддержки рядом со своими детьми спокойно и хорошо.

В следующие несколько дней пролетают как в тумане.

Я на автомате собираю вещи мужа, складываю их в сумки и выношу в коридор.

Его свитер, альбомы, знаковые безделушки — всё это теперь кажется мне незнакомыми, чужими предметами, не имеющими ко мне никакого отношения.

Мои движения механические, лишённые даже намёка на эмоции.

Неизбежно думаю, что нам предстоит делить имущество, и здесь мне хочется верить, что Влад сделает так, как пообещал: мы останемся в этой квартире.

Конечно, он наверняка будет требовать какой-то компенсации, чтобы купить себе жильё. Но всё, что я могу предложить ему — это рассчитывать с ним постепенно.

И есть ещё один вариант, который предложила моя мама: она продаёт свою квартиру, а сама переезжает к нам. Деньги, вырученные с продажи её жилья, мы передаём через нотариуса ему.

Ну, естественно, оформляя всё документально.

Не знаю, на какой вариант согласится мой муж, но, если он не изменит своего решения, я буду благодарна ему.

Конечно, днём я убеждаю себя в том, что всё придуманное возможно.

Но приходит ночь, и страх забирается под кожу, позволяя усомниться в том, что Влад сделает то, что обещал.

Вероятность того, его любовница насядет на него так, что он забудет всё, что говорил мне недавно очень велика.

И если такое случится, как в этом случае мы будем решать наш жилищный и финансовый вопрос — остаётся для меня загадкой.

## Глава 7

### ВЛАДИСЛАВ

Я решил сказать всё жене, и я сделал это. Я признался ей в измене.

Обманывать Яну не хотелось, впрочем, как и наших детей.

Конечно, после того как мы сели за стол, появилось чувство сомнения, но я изо всех сил гнал его от себя.

Я смотрел на жену и детей и понимал, что никто из них не чувствовал подвоха.

Жена устроила этот ужин для нашей семьи, нарядилась, ждала от меня комплимента, даже не подозревая, что наш привычный мир вот-вот рухнет под тяжестью моей правды.

Пока мы сидели за столом, я то и дело думал о том, как сказать: «Я ухожу». Я пытался найти хоть какое-то оправдание тому, что собирался сделать.

Мысленно искал разные слова, пытался построить фразы, готовил речь, чтобы объяснить своё поведение. Но в голову ничего не приходило.

Но это ничего не меняло для меня. Потому что я не мог носить в себе предательство, и врать жене и детям.

Когда я ехал домой, я приготовился разрушить наш мир, чтобы очистить свою совесть. Только пока так и не понял: ради них или ради себя.

За ужином моя дочь что-то говорила о своих успехах в школе, а я слушал и думал: как мы будем разговаривать завтра, когда привычная нам жизнь навсегда изменится?

Несколько дней проходят как в тумане. Кажется, вот он — наступил праздник, живи и радуйся, но радости нет.

Теперь мне всё больше кажется, что я, поведясь на эту страсть принял неверное решение.

Когда она только случается с тобой, всё кажется в розовом свете и думается, что так будет всегда.

Но откуда такая глупость появляется в голове — теперь я уже и сам ответить не могу!

Который день, лёжа в постели своей любовницы я то и дело прокручиваю в мыслях, как я уходил. Я и дело возвращаясь к нашему разговору с женой.

Мои глаза непрерывно смотрят в потолок, а в голове, как заезженная пластинка, крутится один и тот же момент: лицо Яны.

После сказанных мной слов я видел, как угасал свет в её глазах.

Я чувствовал себя мерзавцем за ту боль, которую причинил ей.

А позже, злился на себя за то, что сорвался на дочь.

Несвойственное мне поведение проявилось защитной реакцией на ненависть и презрение со стороны близких.

Когда Есения попыталась пристать ко мне с вопросами, я почувствовал её одноклассником, который в чём-то провинился.

Но я не мальчик, не друг, не приятель одинакового возраста! Я её отец! И она должна это помнить.

В тот момент во мне что-то щёлкнуло, и я нагрубил ей.

По моему мнению она проявляла неуважение, а ещё пыталась влезть в ситуацию, где ничего не понимает.

Как мне ей было объяснить, что так устроен мир женщин и мужчин, где один может разлюбить другого? Никак!

Именно поэтому я считаю, что такие разговоры и выяснения отношений совершенно точно не должны проходить с участием детей, где ребёнок даёт оценку поведению взрослого.

Но дело сделано и нужно жить дальше.

Только как? Надо бы позвонить и спросить у детей, как Яна, но я знаю, что трубку они не возьмут.

Яне тоже звонить не вижу смысла. Что я скажу?

«Как ты?» — теперь будет звучать как самая настоящая насмешка.

«Прости» — знаю, что не простит.

Любые слова сейчас неуместны.

А значит, эту ситуацию нужно просто пережить и научиться общаться по-другому.

Уверен, что после случившегося, нам и разговаривать-то будет не о чем. Всё сведётся к сухому и педантичному делению того, что раньше было общим.

У меня приличная компания, очень дорогая квартира в центре Москвы, дача, до которой никак не дойдут руки, две машины, приличный счёт в банке.

Надо как-то договариваться. Но опять же - как?!

Яна обмолвилась, что будет воевать за своё. Интересно, как она это будет делать, если учесть, что всё это заработал именно я?

— Ты проснулся, — тянется ко мне Лейла, несмотря на то что я лежу с закрытыми глазами.

Её прикосновения, которые ещё недавно сводили с ума, сейчас кажутся раздражающими.

Лежу, не желая отвечать. Утыкаюсь лицом в чужую подушку, пахнущую её тяжёлым парфюмом.

А ведь на самом деле вонючие духи...

— Милый?!

— Проснулся, — отвечаю, не поворачивая лица к любовнице.

— Ох, дорогой, я до сих пор не могу поверить, что ты мой!

— Да, твой — чувствую, как она целует меня в спину. Затем переходит на плечи, шею, а следом тянется губам.

Дыхание становится частым, горячим. Она настойчиво хочет развернуть меня к себе.

— Лейла, давай не сейчас.

Мне в данный момент совсем не до секса. На душе по-прежнему скребут кошки, а точнее, рвут когтями мою совесть.

Злюсь на это. И что, мне теперь в этом дерьме жить всю жизнь? Или всё-таки со временем отпустит?

Лейла, не обращая внимание на мои слова, пытается продолжить ласки, а у меня сейчас единственное желание — оттолкнуть её.

Но сделать это, значит, обидеть.

Ловлю себя на мысли, что как-то слишком много на меня одного обиженных дам. Жена, дочь, а теперь ещё и любовница рискует попасть в этот список.

— Владик, ну чего ты, — интонация голоса выдаёт недовольство моим поведением.

Догадываюсь, что она ждёт от меня праздника, а я лежу здесь как бревно.

— Пожалуйста, не называй меня так! — Срывается с моих губ резче, чем я планировал.

Поворачиваю голову и смотрю на неё. Она замирает, и я вижу в глазах Лейлы откровенное удивление.

— Почему?

— Я терпеть не могу, когда меня называют уменьшительно-ласкательным именем. Чувствую себя как семилетний ребёнок.

— Хорошо, не буду, — говорит тихо, уступая мне и отстраняясь.

Моя любовница отодвигается, ложится на вторую половину кровати и утыкается в телефон.

Десять минут мы оба пребываем в своих мыслях.

Я, по-прежнему думая о своей семье, она, листая ленту новостей в своём телефоне.

— Кстати, всё забываю тебе сказать: я видела фото кухни твоей квартиры.

— Где?

— В сети. Дети твои выкладывали фото вашей семьи. Все такие... счастливые! — фыркает. — Но ремонт мне понравился. Сколько ты в него вбухал?

— Что сделал?

— Ну, вложил денег.

— Не знаю. Лейла, ты это к чему про ремонт? — рассматриваю торшер, стоящий недалеко от кровати.

— Вам дизайнер её делал? — не отвечает на мой вопрос.

— Не знаю. Моя жена занималась этим. Мне некогда было. Я полностью доверился ей.

— Хочу такую же, — в голосе чувствуются нотки требовательности.

— Всё будет. Но не сразу.

Даже не поворачиваясь к ней, чувствую, как она кивает и улыбается.

— Мы поедем этим летом куда-нибудь? — продолжает о материальном, в то время, когда меня разрывает на части внутренний конфликт.

Сжимая челюсть и не желая ругаться, я встаю и быстро надеваю свои вещи, в которых приехал вчера.

— Ты куда?

— На работу.

— А-а-а, — тянет, снова утыкаясь в телефон.

— А ты сама, как, не собираешься? — только сейчас понимаю, что она до сих пор в постели и никуда не торопится.

— А я должна? — вздёргивает бровь. — Мне казалось, что мужчина должен обеспечивать финансовый тыл своей женщины. Или я не права? — смотрит на меня замерев в ожидании.

— Ты не хочешь работать? — мы никогда не обсуждали с ней тему, как будут складываться наши отношения после того, как я разведусь с женой.

— Не знаю, — отворачивает лицо, но мне несложно догадаться, что она хочет сказать «Нет». — Я думала, что буду создавать для тебя уют, готовить вкусные блюда, заниматься собой, и, главное — любить тебя.

Киваю, не желая больше говорить на эту тему. Я никогда не был против того, чтобы женщина сидела дома.

— Ладно, отдыхай. Можешь никуда не ездить.

— А зарплата будет капать? — слышу, как она говорит мне, когда я уже обуваюсь на выходе из квартиры.

Одеваясь и задевая вещи в тесной прихожей, где не могу нормально расправить плечи, ловлю себя на мысли, что отвык от такого маленького пространства.

Мужику ростом под метр девяносто здесь совершенно точно не развернуться.

— Сейчас будет. А дальше посмотрим.

Слышу, как она хлопает в ладоши словно ребёнок, которому пообещали мороженое.

Этот неожиданно для меня инфантильный жест снова режет и так по натянутым нервам.

Раньше я за ней такого не замечал. Ну, или не хотел замечать, опьянённый новизной и запретностью.

— Ты когда уходил, с собой ничего не взял? — отрицательно кручу головой. — Тогда купи себе вещей!

— Я заеду домой, — говорю на автомате, даже не замечая, как слово «домой» вырывается само. — То есть, к Яне.

— Я думаю, что тебе проще купить, — сомневается в моём решении Лейла. — Мне кажется, что твоя жена сейчас ещё не в том настроении, чтобы встречаться с тобой.

— Возможно, ты права, — соглашаюсь с ней. — Ладно, заеду вечером в какой-нибудь магазин и прикуплю себе пару костюмов.

— Влад, погоди. Я забыла тебя просить, — Лейла в привычной манере оказывается возле меня со скоростью пантеры. — А ты вчера разговаривал со своей женой по поводу имущества?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.